

Андрей Устинов
Center for Open Studies (San Francisco)
abooks@gmail.com

Игорь Лошилов
Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
loshch@yandex.ru

Andrei Ustinov
Center for Open Studies (San Francisco)
abooks@gmail.com

Igor' Loshchilov
Institute of Philology, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
loshch@yandex.ru

СУДЬБА И ГИБЕЛЬ ЖЕНЩИНЫ-ПОЭТА:
МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ТАТЬЯНЫ
ЕФИМЕНКО

THE LIFE AND DEATH OF A WOMAN POET:
MATERIALS TOWARDS LITERARY BIOGRAPHY OF
TAT'IANA EFIMENKO

Работа посвящена творчеству и драматической судьбе Татьяны Ефименко, автора поэтической книги *Жадное сердце* (Петроград, 1916). Впервые собраны прижизненные рецензии и отклики на эту книгу, воспроизводится иконографический материал (фотографии Ефименко из ее сохранившегося архива), приводятся ретроспекции и некрологи, по которым воссоздается трагическая гибель героини статьи, убитой вместе с матерью, этнографом и историком Александрой Ефименко, крестьянами 18 декабря 1918 года при невыясненных обстоятельствах.

Ключевые слова: Татьяна Ефименко, русская поэзия XX века, женская поэзия, акмеизм, литературные школы и влияния.

The publication presents literary work and dramatic fate of Tatiana Efimenko, the author of a book of poetry *The Greedy Heart* (Petrograd, 1916). The reviews and responses to her book are collected here for the first time, along with the photographs from what survived of her papers and retrospections. The collected obituaries allow to reconstruct Efimenko's life and tragic death. She was killed together with her mother, ethnographer

and historian Alexandra Efimenko, by peasants on December 18, 1918 under unexplained circumstances.

Key words: Tatiana Efimenko, Russian poetry of the 20th century, women's poetry, acmeism, literary schools and influences.

*Чужая совесть не тоскует
А только вяжет тайный грех.
В своей же — только страх таится
На всех отрезанных путях.*

Михаил Ларионов

В истории русской поэзии положение поэтессы и рассказчицы Татьяны Ефименко (1896–1918) было адекватно определено в малоизвестной, но оттого ничуть не менее ценной антологии *Сто одна поэтесса Серебряного века*, составленной Михаилом Гаспаровым, Ольгой Кушлиной и Татьяной Никольской, несмотря на ошибку в указании года ее рождения — «1888» вместо верного «1896» — и неназывание Харківa (Харькова), города, где она родилась¹:

Татьяна Петровна Ефименко (1896–1918), дочь Александры Яковлевны Ефименко, историка и этнографа, автора работ о роли женщины в крестьянской семье. Татьяна с детства писала стихи и прозу. В 1910-е гг. ее произведения охотно печатали такие различные журналы, как «Русская Мысль» и «Нива», «Вестник Европы» и «Родник», «Русское богатство» и «Всходы». Вышедший в 1916 г. сборник стихов Ефименко «Жадное сердце»² привлек внимание критики редкими для представительниц Серебряного века темами — воспеванием тепла домашнего очага, крестьянского хозяйства, простой, не знающей противоречий любви. Проникнутые пантеистическим мировоззрением пасторали Ефименко преобразуют рефлексирующего горожанина XX века в мирного поселянина времен Гесиода, растворяющегося в окружающих предметах и природе.

Развиться незаурядному таланту Ефименко не удалось. Во время Гражданской войны поэтесса была зверски убита бандитами. (*Сто одна...* 2000: 87).

Несмотря на то, что Ефименко неизменно проходит по «женскому департаменту» русского поэтического подъема начала XX века, с одной стороны, как «разработчица» тех «женских тем», которые оставили равнодуш-

¹ Книга вышла в свет во второй половине декабря 1915 г.: «Ефименко, Т. Жадное сердце. Стихи. ПГ. 1916. Тип. А. Лавров и К° (ул. Гоголя, 9). 8° (15×24). 61+III с. Вес 10 л<отов>. 500 экз.» (Книжная летопись (Петроград). 1915. №49 (19 декабря): 5). Ср.: Гельперин 1992: 247.

² Ср. в схолии Р. Тименчика о Ефименко: «Ее не раз противопоставляли Ахматовой». (Тименчик 2006: 502). Здесь же приведена оговорка А. Смирнова о невозможности «влиянии» Ахматовой на Ефименко, но оставлено за кадром другое наблюдение о стихах *Жадного сердца*: «Первое, что поражает в них, это — глубокая самобытность. Единственное влияние, которое можно предположить, это — влияние М<ихаила> Кузмина. Да и оно отражается не на содержании стихов или их внутреннем строе, но лишь на слогe (просто-та и ясность строения фразы) и, пожалуй, еще на некоторых чисто внешних приемах» (см. № 3 в разделе «Некрологи»).

ной Анну Ахматову³, а с другой — как предшественница Марии Шкапской, с ее регулярными экскурсами в дискурс «материнства», она всё же оказывается в иной плоскости литературного творчества, не ограниченно-го условностями, и, тем пуще, эмоциональностью собственно «женского высказывания». Владимир Пяст в своих мемуарах «Встречи» невероятным образом записал ее в ученицы Александра Кондратьева:

А. А. Кондратьев был постоянным посетителем Фёдора Сологуба. От его, Кондратьевских, стихов веяло почти столь же подлинным чутьем праэллинической культуры, как от Городецкого — праславянской. Только по форме они значительно стояли ниже: форма эта была слишком прилизанной, очень «зависимой» от литературных традиций. Его последовательницей, ближе к нашим дням, была молодая, пожалуй, более талантливая, чем ее ближайший предшественник на этом пути, поэтесса Татьяна Ефименко. Ее книга стихов вышла во время войны. Спасаясь от туберкулеза, она путешествовала на лошадях по башкирским степям в течение одного лета. (Пяст 1997: 65–66).

Стоит напомнить, что до Великой Войны Ефименко провела полтора года в Париже, где, в частности, изучала поэзию — вот почему совершенно уместна оговорка петроградского критика, который отмечал в «Журнале журналов»: «Явление Ефименко в русской поэзии — соответствует Фр<ансису> Жамму, принесшему в полуалександрийскую, полуисторическую современную французскую поэзию глубину и искренность простых переживаний жителя деревни и спокойную мудрость ее, вместе с грубоватой, но странно неотъемлемой от содержания своеобразной, подлинно поэтической формой»⁴.

Учитывая значение поэзии Франсиса Жамма для петербургских акмеистов, в первую очередь, для другого уроженца Украины Владимира Нарбута, нельзя не отметить пронизательное наблюдение Сергея Городецкого, в недавнем прошлом одного из синдиков столичного «Цеха Поэтов», о книге Ефименко *Жадное сердце* в тифлисском журнале *Ars*, когда он пишет, что «в чисто лирической теме, автор остается верным живому миру природы и вещей во всём, в цветах и в плодах, в домашней утвари, в обстановке комнат, находя язык для выражения душевной жизни. Такой метод принят акмеизмом, и Т. Ефименко может быть причислена к этой школе»⁵.

Получается, что значение ее творчества не подлежит определению только в рамках «женской поэзии», хотя она, безусловно, была одним из та-

³ Ср. в схолии Р. Тименчика о Ефименко: «Ее не раз противопоставляли Ахматовой». (Тименчик 2006: 502). Здесь же приведена оговорка А. Смирнова о невозможности «влиятельности» Ахматовой на Ефименко, но оставлено за кадром другое наблюдение о стихах *Жадного сердца*: «Первое, что поражает в них, это — глубокая самобытность. Единственное влияние, которое можно предположить, это — влияние М<ихаила> Кузмина. Да и оно отражается не на содержании стихов или их внутреннем строе, но лишь на слоге (простота и ясность строения фразы) и, пожалуй, еще на некоторых чисто внешних приемах» (см. № 3 в разделе «Некрологи»).

⁴ См. № 6 в разделе «Отзывы».

⁵ См. № 8 в разделе «Отзывы».

лантливейших представителей оной. В сознании современников ее лишь отчасти реализовавшийся талант и ранняя гибель стали одной из наиболее осязаемых в ряду «жертв утренних» русской поэзии, если воспользоваться нечетким определением Георгия Шенгели. Не случайно и то, что тот же Пяст проводил параллель между ее гибелью и убийством Леонида Семёнова, а то, что ее имя оказалось забыто — с невспоминанием Александра Кондратьева:

К сожалению, целебный воздух Башкирии не помог через два года после этого против руки убийц, покончивших с нею и ее матерью, известным историком А. Я. Ефименко, и покончивших очень схоже с тем, как другие убийцы покончили с товарищем А. А. Кондратьева по университету и литературному кружку в нем, а также и по первым печатным опытам (оба — в «Новом Пути») — Леонидом Семёновым.

Но — удивительное дело! А. А. Кондратьев сам тоже бесследно исчез в военную или послевоенную <имеется в виду Великая Война. — А. У., И. Л.> пору. Удивительно, что нигде никаких сведений о нем нет. Что никто (за исключением автора этих строк), по-видимому, и в печати о нем не вспомнил.

Отчасти потому, что Кондратьев с самого начала самоопределился как один из *deorum minorum*. Однако на его долю выпало несколько успехов в продолжение его недолгой литературной дороги. Один из них — премия (единственная, выданная за стихи!) на конкурсе 1906 года, устроенном «Золотым Руном». Писали стихи и рассказы на тему «Диавол». По рассказам первая премия была присуждена *ex aequo* А. М. Ремизову и М. А. Кузмину.

Стихи и рассказы посылались под девизами, - но — *ex unquibus — leones*⁶. (Пяст 1997: 66).

В равной мере, и на долю Ефименко выпала премия в московском «конкурсе русской лирики имени С. Я. Надсона»⁷. Как ни парадоксально, но именно это событие стало точкой отсчета в ее литературной деятельности. Собственно этот временной промежуток — между анонсированной 2 апреля 1913 года победой в творческом поединке и жестокосердным убийством крестьянами, громившими хутор⁸ в ночь на 18 декабря 1918-го, — целиком вместил в себя творческую биографию и недолгое признание женщины-поэта Татьяны Ефименко.

⁶ Из выражения “*Tanquam ex unque leonem*” — «лев узнается по его когтям» (*лат.*).

⁷ См. № 1 в разделе «Отзывы».

⁸ В имении А. В. Колокольцевой недалеко от слободы Писаревка Волчанского уезда Харьковской губернии.

0. СТИХОТВОРЕНИЯ

Публикуемая здесь выборка стихотворений Татьяны Ефименко была сделана Михаилом Леоновичем Гаспаровым и передана им в распоряжение А. Устинова ровно 30 лет назад, в самом конце 1992 года. Гаспаров писал о ней и напечатал стихотворения Ефименко в двух антологиях: «Русская поэзия “серебряного века”, 1890–1917» (М., 1993: 752–754) и «Сто одна поэтесса Серебряного века» (СПб., 2000: 87–88). Даты стихотворений из сборника «Жадное сердце» были восстановлены им по рукописям. Оригинальная машинопись Гаспарова сохраняется.

Т. ЕФИМЕНКО. Жадное сердце. П., 1916

* * *

Я хлеб и мед носила Пану в лес,
Плела венки домашним нашим ларам,
И коз пасла, пока лазурь небес
Не крылась пеплом серым за пожаром.

Но те часы беспечные прошли,
И в круг забот ввела меня Венера:
Я тку холсты и мою на мели,
Знакомы мне в хозяйстве вес и мера.

Зажжен очаг... Мой друг берет свирель.
За трудным днем минуты ласк ленивы,
Но наш союз скрепляет колыбель,
Сплетенная из веток гибкой ивы.

* * *

Веселый фавн, изваянный убого
Пастушеским ножом,
Меж двух олив у моего порога
Ты охраняешь дом.

Когда заря потонет в синем мраке
Гирляндой желтых роз, –
Несу тебе я хлеб, вино и маки,
И сыр домашних коз.

Храни мой дом, храни меня и друга:
Жилище от огня,
Его — от ран, страданий и недуга,
От ревности — меня.

УШЕДШЕМУ

Дом будет на холме, где славный солнцепек,
Куда достанет втер с моря.

Там каплями янтарь на всех стволах натек
И на некрашеном заборе.

Там будет бегать пес по заячьим следам
В лесу, расчищенном, сосновом.

Там я себя тебе бестрепетно отдам
С моей душой и домом новым.

Но ты не хочешь нас, я знаю, ты далек,
Мой пес тебя не встретит лаем.

Напрасно в сердце днем и ночью огонек,
Как у икон, непотухаем.

Ты дорог мне еще, враждебный и чужой,
Знакомец с взглядом незнакомым,
Отвергнувший меня, с больной моей душой
И полным солнца новым домом.

Ты дорог мне всегда, но ты далек уже.

Пусть всё пережитое свято,
Но скорбь последних лет, как камень на меже,
Нас разграничившей когда-то.

2.V.1915

* * *

Как нежность наших слов — острей и глубже зла
Меня затрагивает больно.

Мы вечер проведем у общего стола,
И этого уже довольно.

К чему иллюзией минутною дразнить
Насторожившуюся душу.

Я не порву меня опутавшую нить
И свой покой я не нарушу.

Часы прилежные размеренного дня
Благоразумие — награда.

Так жизнь течете моя, и так влечете меня
Туда, где выбора не надо.

Так свой сама себе я выбрала удел,
Давно, всегда желанный тайно.

И если взгляде мой Вась и Ваше проглядел,
То ведь и это не случайно.

* * *

Дай мне детей; а если не так, я умираю.
Бытие, гл. 30.

Немилый день сквозь шторы натекает,
И вещи означаются, как пятна
Зеленой сырости на потолок подвала.
Там мимо стула кинуто белье,
Здесь платье смятое и туфли вверх подошвой.
Вчера опять простились мы надолго,
Опять расстались быстро, как чужие,
И Ваши пальцы вовсе не дрожали.
Раскидано всё платье и белье.
Ах, не было любовного свиданья,
Ах, не было и никогда не будет...
Расставить надо вещи все в порядке,
Чтобы смешной в своих глазах не быть.

Брожу, как кошка в опустевшей даче.
За что возьмусь — не знаю, как поставить.
Холодный будень душу расслабляет,
Ей не сдержать всплывающей тоски.
С усилием беру Святую книгу,
И пальцы изнемогшие ложатся
На Библию, как бледные лучи
Вокруг креста. И со страниц поблекших
Далекий шепот слышу я Рахили.

Тысячелетья сразу расступились.
Пески пустыни лижут темный войлок.
Из-под шатра, из спальни слышен шепот:
«Дай мне дитя, иначе я умру».
И голос скорбный, гневный отвечает:
«Безумная!..» И сердце плачет, плачет,
Безумное от двух своих скорбей.

27–28.VIII.1915

* * *

Дни бирюзовые и дни в игре топазов,
Гроза лиловая, упавшая над днем,
Лепное облако, крылом тяжелым смазав,
Две груши старые, которые мы гнем
Доской качельною, врезаясь в воздух вешний,
Сад, полный розовой и черною черешней,
Балконы белые вкруг дома с трех сторон,
А дом с балконами в озерах повторен,
Нас провожающий в траве ручей свирельный —
Всё это радостью дарит такую цельной,

Что сердце светлое не хочет знать иных.
 Всё это: комната и бой часов стенных,
 И груши старые, и дуб с листвою жесткой,
 И месяц, в озере лежащий белой блестящей,
 Мой рай сегодняшний, мой ласковый приют,
 Где снов не ведают и страстных слез не льют.

* * *

Печаль, я не вернусь в твой дом, к твоим дверям.
 Не сяду за столом,
 Где ветра тихий стон немолчен и упрям,
 Как память о былом.

Я не войду в твой сад, где множество следов
 Проходят, не сходясь.
 Где грустный мирт растет для девушек и вдов
 И терний злая вязь,

Где голубой восток и запад вечно ал,
 Где тусклый спит канал,
 Где хорошо тому, кто знал, но не желал,
 Или совсем не знал.

Желаний тайных зов в душ моей упрям,
 Как водопад под льдом.
 Печаль, я не вернусь к немым твоим дверям,
 И не войду в твой дом.

1912

* * *

От камней дышит сыростью,
 Их солнце не прогрело.
 Цветы смешные выросли
 У темного предела.

Плетусь я за прохожими,
 И дня так пыльно пламя,
 А над церквами божьими
 Леса стоят углами.

И лестница привешена
 От купола сквозная.
 Душа моя утешена,
 А чем — сама не знаю.

Наш двор, колодец вычищен,
 Там цветик и прохлада.
 На зов никто не выскочите,
 И звать совсем не надо.

5.III.1915

* * *

Я не могу роптать на тебя, Боже,
 Ты дал мне так много.
 Ясна моя дорога.
 Ты посадил весной барвинки
 на моей тропинке,
 а осенью рябины.
 В школе меня не бранил учитель,
 любовь моя была не мучительная,
 ясна моя дорога,
 Ты дал мне многое.
 А между тем мне чего-то недостает.
 Плачет сердце мое –
 какое-то к нему прикоснулось острие.
 Утренние золотые зори, вечерние кровавые,
 облака в голубых оправках,
 березы в зеленых шарфах,
 жилистые дубы, легкие цветы, –
 этого достаточно для святых,
 или больных, или усталых,
 а для меня мало.

Неизданные стихи из ЦГАЛИ, 2259:

* * *

Бор,
 странно говорить о тебе обыкновенными словами.
 Еловые стволы,
 странно быть такой маленькой меж вами и с вами.
 Что общего между нами?
 Ваши мысли не злы.
 Вы никогда не говорите ничего злого
 И никакого ничтожного слова,
 ничего такого,
 что я делаю каждый день.
 Бор,
 прости меня, великий, что я люблю тебя.
 Зеленые облака — изумрудная пена.
 Ты указываешь на меня огромными членами.
 Зеленая арфа, ты смеешься надо мною,
 а каждой веткой мог бы убить звеня, меня.
 Бор,
 Прости, что я говорю о тебе обыкновенными словами,
 прости, что так мало общего между нами.

13.II.1914

* * *

Имя мое забудут и отчество
 Через какие-нибудь пятьдесят лет!
 Но разве глубже будет тогда мое одиночество?
 Думаю, что нет.
 Хотелось бы мне быть похороненной в Италии:
 Там всё это совсем иначе.
 На могилах растут лилии и далии,
 И могилы похожи на дачи.
 Я бы смотрела на свет глазами цветочными,
 А цветы ведь не чувствуют одиночества.
 И было бы мне безразлично очень,
 Что не знают моего имени и отчества.

1914

* * *

Пусть между нами душевный холод,
 Это хорошо.
 Пусть одинокий вечер мой долог,
 Это хорошо.
 Пусть проживу я издали, сбоку,
 Это хорошо.
 Все дорогое спрячу глубоко,
 Это хорошо.
 Не зачерпнув ни разу от жизни
 Полным ковшом.
 Пусть я умру не больной, не капризной.
 Это хорошо.

8.I.1914

* * *

Нельзя минут, нельзя сберечь.
 О как возможности убоги.
 У наших взглядов, наших встреч
 Такие дальние дороги.
 Погаснет жертвенный огонь,
 Потянет ветер из пустыни.
 Моя горячая ладонь
 От жадных губ твоих остынет.
 И вот опять как в первый раз
 Стыдом и страхом мы объаты,
 Земля проклятая за нас
 Взгорбила каменные скаты.

Ты никнешь к ней лицом, плечом,
 И я раскаяньем сгораю.
 А ангел огненным мечом
 Уж пересек дорогу к раю.

25.VI.1915

* * *

Чтоб в лицо дышало поле
 И сад,
 Чтоб не ищущий, безвольный
 Был взгляд,
 Чтобы теплые ладони
 Золотил медовый зной,
 Чтоб никто не знал, не понял,
 Не хотел побыть со мной.

Оттого, что страсть не ранит
 В глуши.

Даль степная не затянет
 Души.

Оттого, что сад словами
 Не измучает со зла,
 Оттого, что долго с Вами
 Я несчастлива была.

25.XII.1916

* * *

Сердце готово поддаться бессилью
 И лени злой.
 Время украсило комнаты пылью,
 Словно золой.
 Холодно, скучно. Не дышат каминов
 Черные рты.
 Окна передней и мезонина
 Не заперты.
 Пусто в столовой, побита посуда,
 В спальне темно.
 Грустно ли будет уйти отсюда
 Или уже всё равно?

2.II.1913

КНИГАМ

Только здесь в переплетах потертых
 Так прекрасны сердца и слова.
 В благороднейшем обществе мертвых,
 Только здесь я светла и жива.

Нет мне вше и слаще почета,
 Как отдать мертвецам свои дни.
 Но и здесь нахватает чего-то:
 Не того ли, что я — не они?

24.IV.1913

* * *

Походка ласковая кошек.
 Пусть дни идут такой походкой,
 И перед печкой сядут тоже
 К моей руке, нагой и кроткой.

Пусть шурят глаз своих топазы,
 Мурлычат медленно на пламя.
 Которое, поднявшись сразу,
 Гримасничает перед нами.

То лентой вьет, то брызжет пеной,
 Растянет рот свой или сузит.
 Скорей дадим ему полено,
 А то оно еще укусит.

А я боюсь всего, что грубо,
 А я хочу всего, что тихо.
 Пускай висит в передней шуба,
 Как усмиренная волчиха.

На перекрестках люди злые,
 Я здесь останусь в теплых тенях
 И все вас, дни мои бывлые,
 Баюкать буду да коленях.

8.XII.1913

* * *

В сентябре и день разлуки недалек.
 В мезонине протекает потолок.
 Он весь источен.
 Обойдемся без любовных драм.
 Если погрустим по вечерам,
 То ведь не очень.
 Было б лучше раньше оборвать.
 Холодная, холодная кровать
 Без одеяла.
 Пауки в углу от пыли седом,
 Я боюсь, как бы любовь меня потом
 Не пугала...

* * *

Один человек не любит меня давно,
 А мне это не всё равно.
 Взаимных антипатий крепкая нить,
 Я все думаю: почему б меня не любить?
 Может быть, что-нибудь изменить?
 Иначе одеваться? Больше молчать?
 Другими духами душиться начать?
 Ведь духи — это для некоторых, как печать.
 Хотя я этого человека не люблю,
 Но из-за него я плохо сплю,
 Неужели себя не переломлю?
 Между нами непроницаемая стена,
 И душа моя для него темна.
 Постараюсь думать, что это его вина.
 Что он воспринимает только верхи.
 Буду употреблять те же духи
 И писать стихи.

23.XII.1913

* * *

Кого-то хорошо отпевают в церкви,
 А для него звуки сгладились и краски померкли.
 Как это странно — умереть!
 Можно ли не есть, не пить, не читать, не гореть.
 Все кажется, что мертвый спит на горе.

Но я предпочитаю жить дома.
Я очень люблю всё, что знакомо:
Такая приятная в этом лень и истома.

В церкви звонят три часа подряд.
У кошки родилось шестеро, их убить хотят,
Но я не дам топить котят.

Их маленькие души еще темны.
Пусть от узнают свет солнца и луны,
Чтоб на том свете им могли сниться сны.

24.XII.1913

* * *

Губы дрожащие шепчут бессвязно слова.
Стала как маятник гулкой моя голова.
Тонкие пальцы лампадку удержат едва.

День этот выпью как чашу с полынной водой.
Крепок ее освежающий душу настой.
Великомученик или угодник святой,

Ныне не помню. Я смерть свою в книге нашла,
Это письмо я нечаянно, Боже, прочла,
С первого взгляда внезапно я всё поняла.

Так под косою внезапно ложится трава.
Падает птица: жила и уже нежива,
Только дымится чуть-чуть вдалеке синева.

Вот почему он теперь мне в глаза не глядит.
Вот почему он бывает угрюм и сердит.
Вот почему он из дому куда-то спешит.

Я не любима, другая любима теперь.
Передо мною открыта в грядущее дверь.
В страны несчастий, болезней, дождей и потерь.

Надо идти. В этом доме мне нечего ждать.
Ведь примиренья сюда не сойдет благодать.
В душу мою. Только их я хочу повидать.

Раненый просит осколок из тела вернуть.
Хочет калека на отнятый палец взглянуть.
И умирающий видит весь жизненный путь.

Так и меня острота этой боли влечет.
Их я увижу, и взгляд, мой их взгляды прочтет.
Праздник мой кончен, и подан мучительный счет.

21.X.1917

І. ОТЗЫВЫ

1.

Премированные поэты

2-го апреля с. г. состоялось второе, окончательное собрание членов жюри конкурса русской лирики имени С. Я. Надсона.

Присутствовали все находящиеся в Москве члены жюри: В. Я. Брюсов, И. А. Белоусов, В. В. Вересаев, М. П. Гальперин, С. А. Кречетов и А. А. Чумаченко.

Всего было прислано на конкурс 782 рукописи, заключавших 5,026 стихотворений. Из этих рукописей 84 оставлены без рассмотрения за несоблюдение правил конкурса.

Художественный уровень присланных стихотворений оказался очень невысоким. Жюри не сочло возможным присудить кому-либо 1-ю премию в 100 руб. Вторые премии по 50 рублей присуждены четырем авторам; хотя произведения их имеют много недостатков, но из всех присланных они, по мнению жюри, наилучшие.

Авторами премированных произведений по вскрытию конвертов с девидами оказались:

Г-жи: Т. П. Ефименко (С.-Петербург), М. Б. Вериги (Одесса) и гг. Г. Анфилов (Москва) и А. Диесперов (Москва).

Кроме того, присуждены одобрительные отзывы гг. Н. С. Ашукину (Москва), П. С. Лебединскому (Саратов), С. О. Губер-Гриц (Бердянск), Э. Я. Герману (Одесса) и неизвестному автору стихотворений «Олоферн», «Зибелю», и др., не приложившему к рукописи конверта с девизом и именем.

Рукописи и конверты с именами авторов, не удостоенных премии, подвергнуты уничтожению в присутствии членов жюри.

Московская газета. 1913. № 246, 8 апреля. С. 5.

2.

Литературные наброски

Среди литературных новинок выделяется книга Е. Замятина «Уездное». Очень своеобразна форма ее, этот колоритный, яркий стиль, русский, слишком русский, с необычными словами, с характерной фразеологией, иногда не без вывертов, но всегда искусный не меньше, чем искусственный, сочный и свежий, как наливной плод. <...> В быстром темпе ведет он свое повествование, в немногих штрихах умеет намечать оригинальные человеческие образы и души, уверенной кистью набрасывает свои мазки. Несомненно, как мастер, входит он своей книгой в нашу художественную литературу, с очень индивидуальной физиономией, с живым и самоцветным талантом.

Теперь трудно писать дурные стихи. Такого совершенства достигла их техника, столько виртуозной игры развили современные маэстро версификации, что надо только не уходить от признанных образцов, для того чтобы свободно чувствовать себя в области рифмы и ритма. И даже получился какой-то общий резервуар тем и настроений, из которого черпают все служители Аполлона; возникли объективные всем принадлежащие сюжеты, манеры и приемы, — собственность без собственника, что-то безличное, гладкое, иногда внешне безукоризненное, но внутренне бездушное. Точно создалась некая объективная талантливость, общедоступный уровень ее, нивелирующей отдельные творческие силы, — лучше сказать, даже совсем не требующий личного творчества. И звонкой струей текут, текут изобильные стихи; но так и остаются они только стихами, и не чувствуется, чтобы у самих стихотворцев было что-нибудь за стихом, за душой. В звучной пустоте откликается эхо, и гулко катится оно из одной книжки в другую, из другой в третью, и ни один из этих отголосков всеобщего голоса ни к чему не обязывает, и несамостоятельные певцы, хористы поэзии, даже как будто и сами не требуют, чтобы их принимали всерьез, чтобы на них смотрели не только как на специалистов и техников.

Оттого приятно встретить такие стихотворения, в которых и за которыми слышится внутренний мир, поэзия как жизнь, а не как специальность, собственное, сердцем выношенное мирозерцание. В скромной книжке г-жи Т. Ефименко «Жадное сердце» нам почуялись именно такие, одушевленные, а не просто слаженные стихи. Не только достигают они значительной внешней высоты и радуют слух тихой гармонией, мягкостью и силой своего особого тембра, но, в органической связи с этим, дают и подлинную лирику, искреннюю исповедь женского сердца. Видна, правда, и та школа, которую прошла поэтесса, но так благородна эта школа и выбор ее так внутренне исходит из собственных симпатий и наклоностей автора, что отпадает всякий оттенок ученичества и не нарушаются права инициативы. Г-жа Ефименко училась, так сказать, в «Афинской школе»: она возлюбила античность, но вошла в нее не как археолог, а с живою, с современной душой; в торжественных и простых формах Эллады, какого-то старинного благолепия, священной домовитости нашла она наиболее подходящее выражение для своего теперешнего, сердца, для своих нынешних женских интересов.

Веселый фавн, изваянный убого
 Пастушеским ножом,
 Меж двух олив у моего порога
 Ты охраняешь дом.
 Когда заря потонет в синем мраке
 Гирляндой желтых роз, —
 Несу тебе я хлеб, вино и маки,
 И сыр домашних коз.
 Храни мой дом, храни меня и друга:

Жилище от огня,
Его — от ран, страданий и недуга,
От ревности — меня.

Ведь это — вечно-женское, ведь это — специфическая озабоченность, понятная женщинам всех культур и веков. И «наш союз скрепляет колыбель, сплетенная из веток гибкой ивы»; и «дом убрала я, гирлянды привесила к ларам, в чистом источнике вымыла ноги нагие; в новом жилище меня охраняйте, как в старом, боги огня и рождения, боги благие»; и «к родным в село, на праздник, неохотно я выхожу, трудам своим верна; зато, как шелк, тонки мои полотна и ломаются амбары от зерна», — всё это представляет собою не только античную идиллию, но и постоянный идеал женщины, как женщины. В разных формах остается та же сущность. Но г-же Т. Ефименко так дорога именно древняя форма, что последняя проникает у нее даже в современную, и получается смешение стилей; замечательно, однако, что не только не сетуешь за это на автора, но и с какою-то эстетической удовлетворенностью принимаешь эти внешние анахронизмы, — так искупаются они единством внутреннего стиля, т. е. неисправимой склонностью души к прежнему обиходу и укладу жизни.

Приди ко мне, как друг, приветливый, простой,
И труд мой похвали, и у окна постой,
И сам цветов нарежь, и сам воды налей
В кувшин, где в старину хранился лишь елей.
Смотри — уж стол накрыт: как бел и серебрист
В тени, где сонный лавр и синий остролист.
На блюде мед и лед, чтоб жар смягчить дневной,
И узкая форель с оливковой спиной,
И земляника с гор, последняя в году,
И хлеб, где я миндаль запеченный найду.
.....
Вот свежая вода в фарфоровом тазу,
Вот полотно с каймой, расшитою внизу,
Вот подстаканник твой — он потемнел слегка —
Вот лилии к столу и листья для венка.

Ясно, что в этой картине не всё классично, и «подстаканник», например, так неуместен и несвоевремен, — но разве протестуешь против такой соединенности разных обиходов, и нет ли в ней даже чего-то желанного? Если девушки пляшут на *ферме* и *скрипки* их гонят стремительным метром, то, казалось бы, не надо говорить: «не услышали бы только их *фавны*, ведь прибегут, всё разграбят в подвалах и увлекут за собой женщин усталых»; но опять-таки это сближение далее имеет свой внутренний смысл и художественное оправдание.

Впрочем, есть и такое смешение стилей, которое создает сама жизнь: в рамки древней идиллии не может, пусть бы и хотела, войти современная женщина. Ей до сих пор внятны, шопот библейской Рахили «дай мне дитя,

иначе я умру», ее до сих пор влечет вся эта семейственность и домовитость, и красота пенатов; но очень обострилось то «единоборство навеки враждующих душ», то разъединение мужчины и женщины в самой любви, то роковое несовпадение сердец и помыслов, на которое настойчиво откликается лира г-жи Ефименко. Она поет кого-то «ушедшего», уходящего, отсутствующего даже при встрече, нравственно далекого, отвергающего женщину и дом ее.

Но ты не хочешь нас, я знаю, ты далек,
Мой пёс тебя не встретит лаем.
Напрасно в сердце днем и ночью огонек,
Как у икон, непотухаем.

И они разойдутся в разные стороны («и ты пойдешь к горе, а я пойду домой, с цветком твоим в руке, холодной и немой»), и она скажет ему: «и лишь прощаясь, вас я поцелую в губы, и то едва-едва».

И потому воцаряется в женской душе тоска и одиночество, и разочарование. В этих мотивах есть у г-жи Ефименко нечто общее с Анной Ахматовой, но с значительной все-таки разницей в оттенках и в том основном отношении, что первая из названных поэтесс в своей женщине показывает коренное, неизгладимое тяготение к материнству и священнослужению дома, к Рахили и античным ларам.

«Скучны все дали, и все утомили дороги», «молчат ряды давно забытых книг, молчит печаль давно изжитых мук; здесь всё равно: что год, что час, что миг, здесь циферблат не недруг и не друг». И вот:

Я не могу роптать на тебя, Боже,
Ты дал мне так много.
Ясна моя дорога.
Ты посадил весной барвинки
на моей тропинке,
а осенью рябины.
В школе меня не бранил учитель,
любовь моя была не мучительная,
Ясна моя дорога,
Ты дал мне многое.
А между тем мне чего-то недостает.

Эта конечная неудовлетворенность женщины и ее неисцелимые воспоминания о прежней жизни, о древнем целостном быте; это сочетание старины и современности; эти не резкие, а музыкальные переходы от душевного классицизма к душевному же модернизму, — вот, что составляет живую сущность книжки г-жи Ефименко; в ее «Жадном сердце» вообще не много страниц, зато большинство из них прелестны и читаются не только глазами, но и душой.

Ю. Айхенвальд.

3.

Т. Ефименко. «Жадное сердце». Стихи. Петроград. 1916.

Мне не приходилось до сих пор встречать имя поэтессы; кажется, Т. Ефименко дебютирует книгой «Жадное сердце», и, по-моему, стихи ее стоят того, чтобы поставить на полку любимых книг. Нужно отметить небольшую тетрадь «Жадное сердце», так как она может потонуть, обидно и незаслуженно потеряться среди множества новых произведений поэтов и поэтесс, которых теперь так много, и огромное большинство которых, несомненно, уступает Т. Ефименко в таланте. В ее стихах есть подлинная интеллигентность; «Жадное сердце» — книга хорошего вкуса и хорошего тона, книга большой искренности и глубины, и, что неизмеримо важнее, книга оригинальной и в то же время такой типично-женской души. Всего 43 небольших стихотворения, скромных по форме; ничего разительно-нового и исключительно-большого в них нет. Но нет и ничего крикливого: поэтесса изящна и малословна. Нам приходится благодарить ее за то, что она отнеслась строго и чутко к каждому своему звуку; и, какая радость, нет ни одной пошлой строки, чужой мысли, избитого сравнения: все ее слова — ее собственные. Мне кажется почему-то, что автор непременно не «литератор», и что «Жадное сердце» — это, прежде всего, человеческий документ. Такая искренняя и серьезная книга пишется для себя, без мысли о печати, и часто это единственная за всю жизнь книга человека.

Мы видим сквозь эти строки осторожную человеческую душу и то маленькое царство, в котором она живет, и мы можем сказать об авторе много больше, чем она сама сказала нам о себе. Стихи Т. Ефименко — или античные пасторали, полные благостной и земной рассудительности (иногда поэтесса изумительно владеет гекзаметром, умея скрасить его тяжесть и длину), или лирические отрывки, как бы из дневника. Иногда вспоминается Овидий Назон; иногда хочется сопоставить стихи Ефименко с лучшими, наиболее простыми строками Анны Ахматовой. Охотно прощаются две-три не совсем удачные рифмы (немного — намек; большой — хорошо), неправильные выражения (жарчѣй; обнѣсен), так как чувствуется, что поэтесса не захотела в погоне за красотой пожертвовать найденным и незаменимым оттенком настроения и мысли. К тому же — «как лиц румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не терплю»...

Я не знаю, что процитировать из книги Т. Ефименко; останавливаясь на том или ином стихотворении, я боюсь сделать несправедливость по отношению к другим и, главное, боюсь, что выберу как-нибудь не лучшее и в то же время уже очерчу, неправильно очерчу, для читателя поэзию Т. Ефименко, к успеху которой я отношусь уже ревниво.

Мне нравятся строчки:

Уж ветер осенний трубит в одиноком ущелье,
Уж зябкие нимфы в росистые сходят долины...

Обаятельна простота в этой книге:

Как нежность наших слов — острее и глубже зла
 Меня затрагиваете больно.
 Мы вечер проведем у общего стола,
 И этого уже довольно...

Может быть, лучшее стихотворение:

Дом будет на горе, где славный солнцепек
 И где достанет ветер с моря...

Выразительные, верные слова поставлены в строках:

Немилый день сквозь шторы натекает,
 И вещи означаются, как пятна...

Но сила этих стихов, может быть, больше всего в содержании, в их направлении. Теперь в России множество демонистов, нищеньянцев, апологетов экзотики; поэзия тоски на тротуаре, поэзия подзвездных и бледных устремлений, поэзия дерзкого разврата имеет целую фалангу своих скальдов, неплохих, случается. Но *дом, хозяйство* еще не имеет своей хорошей поэзии; никто не подумал о них; ведь и Анна Ахматова, и Зинаида Гippiус — или в мире, или в гостиной, но никогда за прялкой. А есть же поэзия и в хозяйке, та, мелодии которой звучат хотя бы в Калевале («эта Похьолы хозяйка»). И вот Т. Ефименко приходит к нам с этой поэзией — своего угла, своего дома. Дом дает для нее смысл и содержание всей жизни, и ее комната, и ее сад — для нее целый мир, в котором столько красок, живых вещей и умной внимательности к ним. Назначение жизни человека — там, где его домашние лары, которым он приносить «хлеб, вино и маки и сыр домашних коз...» И если женщина зовет того чужака, «ушедшего», которого она любит, то она говорит ему: возьми меня, но «с моей душой и домом новым...» Ей нравятся «часы прилежные размеренного дня — благоразумию награда»; с прелестной рассудительностью она говорит: «Я тку холсты и мою на мели, знакомы мне в хозяйстве весь и мера». Но в то же время за всем этим не чувствуется ничего «мелко-буржуазного», как сказали бы лет десять тому назад. Потому что мы угадываем, что это сломленная душа пришла к сознательному приятию мира, к покорности всем его законам, и что «угол» выстроен не просто эгоизмом, а своего рода верой, далеко не всегда радостной, но никогда не кокетничающей печалью. От этих спокойных стихов иногда немного холодно, иногда очень грустно... Это очень изящные, очень продуманные стихи.

А. Лозина-Лозинский (Я. Любяр).

4.

Т. Ефименко. Жадное сердце. Стихи. П. 1916. Стр. 12 <sic!>.

Чем изощреннее стихотворная техника, тем больше пишут стихов. Обыкновенно между обоими явлениями устанавливают причинную связь такого рода: повысилась техника, значит, стихи писать легче. На самом деле, конечно, чем выше техника, тем выше требования, предъявляемые к стихотворной форме, тем, стало быть, писать стихи труднее. И стихотворный поток растет, не благодаря высоте техники, а вопреки ее трудностям. Тяготение к стихотворной форме предшествует; оно вызывает изощренное внимание к форме, оно совершенствует технику, оно подымает технические требования, — преодоление их не находится в прямой зависимости от подлинного поэтического дара. Способность к форме есть лишь один из элементов этого дара, и именно в стихотворной лирике этот элемент чаще всего является оторванным от других. Множество стихов, более, чем удовлетворительных технически, не дает глубокой художественной радости просто потому, что формальные красоты — необходимый, но не единственный и не важнейший, элемент поэтической завершенности. То, что мы называем истинной поэтичностью, требует другого: требует ощущения личности творившего. Лирика должна заставить нас почувствовать индивидуального человека; без этого «необщего выражения», знаменующего не одни поэтические способности, но и известную внутреннюю значительность, бессильны самые блистательные достижения формального искусства.

Если мы связываем эти общие рассуждения с скромным лирическим сборником малоизвестного поэта, то не потому, чтобы этот сборник казался нам литературным событием. Скромность поэта вполне законна и в малой известности пребудет он и в дальнейшем. Но о подлинной, а не из чужих стихов вычитанной, духовной жизни говорит эта книжечка, тайны действительно жадного, беспокойного женского сердца раскрывает и подлинную поэзию дает читателю. Автор очень внимателен к форме, знает ее новые достижения, ищет своих созвучий, и если иногда бывает неловок, то не бывает банален: значительное достоинство в том, кто не ищет оригинальности во что бы то ни стало. Он охотно прибегает к бытовому убранству сельского классического мира, особенно в первой части сборника, где — под эпиграфом «Нет ничего сладостнее, как внимать заповедям Господним», — воспеваает мечту тихой, сладостной, довольной трудовой семейной жизни.

Зажжен очаг... Мой друг берет свирель,
 За трудным днем минуты ласк ленивы,
 Но наш союз скрепляет колыбель,
 Сплетенная из веток гибкой ивы.

Что эти «буколики и георгики» — только мечта, и мечта несбыточная, показывает со всей остротой следующая часть книжки. С сжимающей

сердце тоской поет здесь девушка о трагическом «единоборстве навеки враждующих душ», о необретенном счастье любви, о роковых противоречиях полового миропорядка, столь же неизбежных, сколь непреодолимых. «Дай мне детей; если не так — я умираю»: — этот страстный призыв библейской матери преобразуется здесь в тоскливый вздох, хоть и чрезвычайно современного, однако в основе своей неизменного женского сердца.

...И сердце плачет, плачет,
Безумное от двух своих скорбей.

Никакую радость, конечно, не утолит эта жажда женского сердца, не умиротворенного в обоих своих основных тяготениях. И тихая угрюмость охватывает поэта; в тихой грусти ищет разрешения его великая тоска. Есть еще радости жизни — есть покой и воля, есть очарования искусства, есть труд, есть природа, есть люди. Но грустью неудовлетворения подернуты все эти малые для женщины радости:

Этого достаточно для святых,
Или больных, или усталых,
А для меня мало...

До подлинной трагедии, таким образом, не дорос поэт: в мелкие жемчужинки беспорывной резиньяции рассыпалась его большая скорбь. Он нашел достойную форму для своих печалей, столь женских, столь человеческих, и, конечно, найдет сочувственный отклик в тех, кому дорого всякое самобытное и законченное выражение общих запросов и тяготений. К чему бы ни было жадно сердце читателя, оно не пройдет без вниманья эти песни жадного сердца.

А. Г. Горнфельд

Русские записки: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. 1916. № 8. С. 274–275.

5.

Т. Ефименко. Жадное сердце. Стихи 1916 г. Птг. 62 стр. ц. 1 руб. Скл. изд. кн. маг. б. Попова.

Книга издана в 1916 году, в России, — и на наших глазах почти чудесное преобразование современного нам человека — в мирного поселянина времен успокоенной античности и мира Эл<л>ады с «домашними ларами», с «другом, берущим свирель», с «сыром домашних коз» и с другими прекрасными и успокаивающими образами чуждой и, может быть, кому-нибудь и завидной жизни...

...Веселый фавн, изваянный убого
Пастушеским ножом,
Меж двух олив у моего порога
Ты охраняешь дом...

...Встань на пороге с водою в широкогорлом кувшине,
 Да полотенце льняное с яркой каймой не сомни.
 Здравствуйте, милые гости, благословенье богини
 На приносящих нам радость в светлые майские дни...

...Я шкурами двери и тканями ставни закрою,
 Попрячу оливки в кувшинах, широких и красных;
 Детей убаюкав, огонь мы притушим золою,
 И праздник наш мирный окончится в ласках не страстных...

Можно привести целые стихотворения, — во всех стихах из первой части «Жадного сердца» — всё благостно — ясно, всё — мирно и, по хо-рошему, — тепло... Поэту, видимо, дано говорить нелживыми словами об этом не совсем для нас правдоподобном быте...

Но стоит поэту заговорить о своем, о сегодняшнем — полные, нужные слова куда-то исчезают, и читаешь такое:

...С Вами готова я быть веселой
 Во всякий день и час.
 Может быть, даже нежней мой голос
 Становится для Вас.
 В этой симпатии, вовсе безгневной,
 И холод есть большой...

«Душа, лишенная крыл!» «Душа без огня!» «Щит мой был — недоверье!» «Желанье одно: побороть, омочить губы в крови!» Словом, даже и не верится, что вся эта выдуманная и захватанная достаточно риторика умещается, рядом с художественными, хоть и чуждыми нам первыми страницами!

И непонятно, почему у поэта для всяких «домашних лар» слова есть, — а для своего, для сегодняшнего — так мало.

Ведь в сущности из всей книги трогает единственное, хоть и описательное, но живое:

...Немилый день сквозь шторы натекает,
 И вещи означаются, как пятна
 Зеленой сырости на потолок подвала.
 Там мимо стула кинуто белье,
 Здесь платье смятое и туфли вверх подошвой...

...Ах, не было любовного свиданья,
 Ах, не было и никогда не будет!..

...Брожу, как кошка в опустевшей даче...

Несомненно одно: у Т. Ефименко есть данные. И от нее читатель вправе ожидать не громкой, но подлинно — женской лирики.

Натан Венгров

Летопись: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. 1916. № 8, август. С. 307.

6.

От двух полюсов

Недавно вышла новая книжка: «Жадное сердце» г-жи Ефименко. Один из современных поэтов в интимной беседе как-то сказал:

«Наш век — век поэтов». Приходится сознаться, что это верно, что поэтов много, но если перенестись в другую плоскость, если толковать о поэзии в ее идеальном смысле, то невольно возникает вопрос: где они — истинные поэты? Пять, шесть имен известных наперечет. Остальные... или играют под сурдинку или же повторяют *образцы* «известных». К сожалению, не сразу научаются хорошо писать с *прописей*, и как не говорить о школе, это — всегда будет только копией с прописи, в которой тонет свое, индивидуальное. *Штамп* побеждает *личность*; именно штамп, п. ч. подлинник прекрасен, но его техническое воспроизведение пошло, теряя аромат самобытности. В этом грешна молодежь, несомненно, имеющая в себе столько неизведанного, незнакомого, многого, но боящаяся выявить это по-своему и потому нередко переделывающая свое содержание на чужой лад, вливая к тому же его в чужие, уготованные формы. Но это еще полбеды. Истинная трагедия там, где увлекаются «ананасными» писателями, и увлекаются не тем, что у них есть хорошего, а где «конфеточность», где всё так просто, но эффектно, крикливо, бьет холодным светом лампионов, заманивая в саженную гущу-улицу.

Улица (я понимаю это в самом широком смысле) сжигает молодые таланты безжалостно в своем модернизированном крематории; оттуда уже нет возврата. И много надо сил, чтобы мочь обойти это. И есть ли взыскующие и могущие? Они есть...

Такой нужно и следует признать г-жу Ефименко, которая, если не ошибаюсь, также новичок в литературе. Ее книжка стихов «Жадное сердце» — это приятная неожиданность, над которой отдыхаешь, любишься и не можешь налюбоваться; вспоминаешь: «гармонии стиха божественные тайны». В поэзии Ефименко — всё древнее, антологичное, но не в том, конечно, ее заслуга. Она вовсе не идет по «старым следам», наоборот, в прежнее, в ветхие меха ею влито новое вино виртуозной техники нашего времени; но это так чисто, искусно и непосредственно создано, что не находишь ученичества, подделки под маэстро. Ее произведения проникнуты присутствием только ей тембром, ее лирикой, ее душой, душой *женщины вечного*.

Интересен вопрос о материнстве, затронутый г-жей Ефименко.

Современный писательницы трактуют его так: «материнство для меня то же, что сифилис» (Анна Мар), «зачем я исполняю роль лаборатории природы... зачем я вырастила этих ненужных мне человечков» (Ольга Рунова).

И рядом выдержка из Ефименко:

Радостным взглядом на мужа смотрю я с порога:
Ветки срезая, он прячет улыбку порою.
Только лишь осень подует из гулкового рога,
В домике нашем нас будет не двое, а трое.

И еще:

Старости ласковой голос, ее указания я слышу.
 Меньший ли смысл в моей жизни нынче, чем дальней весной?
 Сад полон фруктов, а лозы покрыли и стены и крышу,
 Выросли дети и внуки-жизни, зажженные мною.

Всмотритесь в *курсив*, каким он покажется извечным, великим и в то же время божественно-простым. В стихах Ефименко возрождается по-новому римский культ Ceres и Vest'ы. Я бы мог привести еще несколько таких выдержек, но боюсь утруждать внимание, да и незачем... Воскресла старая божественная Эллада с домовитостью, благолепием, одухотворенно и художественно рафинированная ближе к современности. И эта современность наполнилась мудрым спокойствием, исчезли истерические броски и взмахи; к былому веселью, к тихой радости манит она.

Печаль, я не вернусь в твой дом, к твоим дверям,
 Не сяду за столом,
 Где ветра тихий стон немолчен и упрям,
 Как память о былом.

Красота стиха, утонченная без всяких изошрений, ритмичная музыкальность, вместе с умело переданным содержанием будят «забытое» в нашей душе, которое создают, творят, чеканят, которое — подлинное искусство. Его и показала нам Ефименко. Как далеки от него теперь начинающие входить в моду поэты, где кроме пошлости, грубого ремесла ничего не чувствуешь.

Наприм<ер:>

А платочек с красным литером
 Подарил купец из Питера...

(Н. Клюев «Песни из Заонежья»).

Что лучше: восхищаться ли читателю подобными перлами или же следующею параллелью из Ефименко:

Приди ко мне, как друг, приветливый, простой,
 И труд мой похвали, и у окна постой,
 И сам цветов нарежь, и сам воды налей
 В кувшин, где в старину хранился лишь елей.
 Смотри — уж стол накрыт: как бел и серебрист
 В тени, где сонный лавр и синий остролист.
 На блюде мед и лед, чтоб жар смягчить дневной,
 И узкая форель с оливковой спиной,
 И земляника с гор, последняя в году,
 И хлеб, где я миндаль запеченный найду.
 Приди ко мне, забыв любовь, и гнев, и грусть.
 Твои привычки, друг, я помню наизусть.

Вот свежая вода в фарфоровом тазу,
 Вот полотно с каймой, расшитою внизу,
 Вот подстаканник твой — он потемнел слегка —
 Вот лилии к столу и листья для венка.
 Когда от лавров тень начнет на дом ползти,
 Мы скажем у ворот спокойное «прости»,
 И ты пойдешь к горе, а я пойду домой,
 С цветком твоим в рук, холодной и немой.

Она, женщина настоящего, ищет того, кто сможет дать семью, домовитость, торжественность пенат, ищет *прежнего*, эпитафией ставит крик Рахили: «Дай мне детей: а если не так, я умираю» (Бытие, гл. 30)... и не может найти. Его нет; друга, спутника, и потому гимны свои посвящает далекому, «ушедшему», ибо с «настоящим» разлука обычна, для него лишь одно: спокойное «прости». Этой гранью Ефименко задевает современность, но... сущность ее поэзии не в этом. Она вся там в древних ларах, в живой воде античности.

Веселый фавн, изваянный убого
 Пастушеским ножом,
 Меж двух олив у моего порога
 Ты охраняешь дом.
 Когда заря потонет в синем мраке
 Гирляндой желтых роз, —
 Несу тебе я хлеб, вино и маки,

Кроме содержания, стихи ее поражают выразительностью передачи, тонко-художественной, филигранной образностью. Как нарисован рассвет, уход зари? Она тонет в синем мраке «гирляндой желтых роз».

Высказанное положение еще доказательнее подтверждает следующая выдержка:

Цветов, сказала я, в полях я наберу,
 И вот домой тайком вернулась ввечеру.
 И робким стал мой шаг, но взгляд мой стал смелей,
 И в косах лепестки больших гвоздик с полей.

Комментарий не нужно...

Ефименко всё стремится объять в своей книжке, ее сердце жадно до всего, оно жаждет стереть грани, спутать прошлое с настоящим в поисках вечного. Эта основная мысль заставляет нас верить, что ее «Жадное сердце» ценно для нашей литературы, и смеем надеяться, что в следующий раз оно забьется еще сильнее и трепетнее...

Н. Н.

7.

«Неведомые»

Последние месяцы оказались особенно урожайным временем для русской поэзии. выпустили свои книги и, ставшие до обидного общепризнанными, корифеи новой лирики (Бальмонт — «Ясень», Брюсов «Семь цветов радуги» (конфиденциально⁹), и, более или менее известные поэты помоложе (М. Волошин: «Anno mundi ardentis», Н. Гумилев «Колчан», Б. Садовской «Полдень» и др.), завоевавшие себе, определенную репутацию совсем недавно, но уже немного *maitre* образные (О. Мандельштам «Камень», И. Эренбург «Стихи о Канунах», В. Маяковский — «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник» и мн. др.) и, наконец, — и это тема настоящей заметки, — дебютировало много поэтов, еще совершенно «неведомых миру». Среди этих последних немало совершенно бездарных. Таковыми мне представляются Вл Пруссак, — автор парикмахерски-хлыщеватого сборника «Цветы на свалке» и М. Лёвберг, выпустившая нудную, прилизанную и лживую книгу «Лукавый странник». Особенного упоминания эти обе книги заслуживают, как имевшие матерьяльно наибольший успех из всех дебютировавших в это время. Не менее плохи книги Амари («Глухие слова»), А. Биленкина («Роза во льду») и мн. др.

Среди остальных, еще не замеченных начинающих поэтов попадают и обладающие определенно-выраженной собственной поэтической физиономией, есть и еще всецело находящиеся в периоде подражания «старым» (вплоть до О. Мандельштама и В. Маяковского) поэтам, но уже дающие почувствовать, что и сами они способны на некоторые достижения. Правда, крупных поэтов среди них нет (быть может, —единственное исключение — автор книги «Жадное сердце» — Т. Ефименко»). Когда-нибудь будущий любитель стихов объединит их всех в одно в своем представлении, под термином — «поэты начала XX века», и будет перелистывать эти, в большинстве случаев очень изящно изданные, книжечки с тем же чувством, с каким мы теперь просматриваем альманахи 20-х и 30-х годов прошлого столетия, и книжки каких-нибудь совершенно забытых Муравьевых или Тепляковых.

М. Лопатто, Чролли, Клара Арсеньева, Г. Адамович, Т. Ефименко — вот имена начинающих поэтов, предлагаемых вниманию читателей «Журнала-Журналов».

<...>

Наиболее значительной из рассматриваемых книг — является «Жадное сердце» Т. Ефименко. Спокойная, не знающая противоречий, любовь, материнство, простые раздумья о смысле жизни и Боге — вот ее темы, опасные вследствие своей доступности. Но эти стихи иногда бледные

⁹ Книга стихотворений Валерия Брюсова *Семь цветов радуги* вышла в свет в 1916 г., и, вероятно, ко времени написания рецензии распространялась конфиденциально.

и слабые, иногда прямо безвкусные (по выбору слов, шаблонности образов) — заставляют подчас необъяснимо трепетать читателя. Суровые, но всё же женские, совершенно необычные в своей обыденности, не боящиеся самых истертых приемов, сильные своей уверенностью в себе, — они надолго врезаются в память. Быть может, потому что они целиком — «свои», в противоположность всем остальным стихам молодых поэтов, — они могли бы быть написанными, даже если бы до них не существовало ни одной строчки¹⁰.

<...>

Явление Ефименко в русской поэзии — соответствует Фр<ансису> Жамму, принесшему в полуалександрийскую, полуисторическую современную французскую поэзию глубину и искренность простых переживаний жителя деревни и спокойную мудрость ее, вместе с грубоватой, но странно неотъемлемой от содержания своеобразной, подлинно поэтической формой.

В. Еникальский

Журнал журналов: Еженедельник нового типа. 1916. № 30. С. 8–9.

8.

Женская лирика

(Эскиз)

В последние годы, в период увлечения писанием стихов, на книжный рынок посыпался целый дождь сборников с так называемой «поэзией женской души». Большинство этих книг, созданных современными, юными последовательницами Сафо, было наполнено не столько женскими, сколько характерными «дамскими» стихами, в которых поэтессы, жеманничая, кокетничая словесными вывертами и истеричностью, наперепев, одна перед другой, усиленно стремились показать и убедить, что им нет никакого дела до всего, не касающегося их мира, что оне <sic!> — «только женщины» и потому ничего не знают и желают только переживать «эстетно» свои интимные капризы. Всё содержание этой поэзии сводилось исключительно к мелочному, интимному с неизбежными его аксессуарами в виде всяких бархатных подушечек, шелков, мехов, перьев, ожерелий, румян, пудры и т. п. Поэтессы наряжались, пудрились и, бесконечно оригинальничая, подчеркивая «женскость», грезили на леопардовых мехах о принцах и «обреченных королях».

...Ах, одеваться в шелковые ткани!..

Ах, теплый мех, ласковые ткани!..

¹⁰ Далее приводятся три стихотворения из сборника *Жадное сердце*: «Я не могу роптать на тебя, Боже...»; «Свой дом у черных ив открыл мне старый мельник...»; «Приди ко мне, как друг, приветливый, простой...» (стр. 9).

Нечего, конечно, и говорить, что в этих стихах, довольно хороших по технике и в большинстве сделанных под «кого-нибудь из больших <поэтов>» — под Бальмонта, Игоря Северянина, Лохвицкую и т. д. — найти что-либо ценное истинно поэтическое — желание напрасное. Все они — сплошная пошлость, более худшая и отвратительная, чем самый последний, плохо сделанный «дамский роман».

Но среди этого моря «дамской поэзии» есть несколько возвышающихся островков, которые манят к себе. Есть ряд имен, заставляющих отнестись к ним серьезно, со вниманием. Таковы — Н. Крандиевская, Анна Ахматова, покойная Н. Гр. Львова, М. Шагинян, Т. Ефименко, С. Парнок, таинственная Черубина де-Габриак, Марина Цветаева и некоторые другие. Здесь нет дамского поэтического щебета в символическом, акмеистическом, футуристическом и других стилях. Здесь каждая книга — создание подлинного таланта. Поветрие моды не коснулось этих поэтесс. В их стихах нет ни словесных вывертов, ни «интимных капризов», ни жеманства, — стихи просты, изящны, музыкальны и глубоки, как бывает глубока человеческая, нежная и впечатлительная душа. На нескольких десятках страниц скромных сборников раскрыты и поведаны тихие боли, недоумения и волнения сердца, рассказаны глуховатым голосом впечатления, мысли и чувства, пережитые глубоко и остро нежными женскими душами.

<...>

В скромной книжке Т. Ефименко мы встречаем также большую внутреннюю значительность переживаний, запечатленных в лирике. В тихих, гармоничных, с мягким тембром, антологических стихах, поэтесс раскрывает тайны своего беспокойного, жадного сердца, своей неудовлетворенной и тоскующей души, стремящейся всё объять, стереть грани между настоящим и прошлым в исканиях вечного. Это вечное — женственность, материнство. Современность далека этому, — женская озабоченность, домовитость, семейственность, торжественно-спокойная красота пенатов стали чужды нашему времени. Т. Ефименко возвращается к этому, — ее душа влечется к строгим и простым формам древности. В них поэтесса находит выражение для своих сокровенных желаний, мыслей, чувств и интересов...

Веселый фавн, изваянный убого
Пастушеским ножом,
Меж двух олив у моего порога
Ты охраняешь дом.
Когда заря потонет в синем мраке
Гирляндой желтых роз, —
Несу тебе я хлеб, вино и маки,
И сыр домашних коз.
Храни мой дом, храни меня и друга:
Жилище от огня,
Его — от ран, страданий и недуга,
От ревности — меня.

Античность пленила поэтессу, очаровала ее душу — и это очарование слышится почти во всех пьесах, написанных с большим мастерством и умением пользоваться новейшими техническими достижениями. Иногда очарование достигает наивысшей силы — и тогда древние формы проникают даже в современные, происходит смешение стилей. Но это смешение придает стихам только своеобразную остроту и красоту, оправдываемую смыслом переживаемого душевного состояния. В некоторых мотивах тоски, одиночества и разочарования, которыми Т. Ефименко соприкасается с современностью, есть у нее нечто общее с А. Ахматовой. Обе поэтессы остро переживают разъединение между мужчиной и женщиной в чувстве любви и грустят о ком-то «ушедшем», с которым не будет встречи, ибо разошлись в разные стороны дороги. Но это совпадение мотивов неблизкое и разнящееся оттенками. У Ахматовой больше тоски и отчаяния. Эта поэтесса чувствует себя «иностранкой» в нашем мире, не может найти себе в нем места. С напряженным вниманием она всматривается в повседневность, видит в ней таинственный смысл — и боится его, странная тоска, пугливая охватывает ее душу. Была у нее любовь, но любовь печальная, принесшая смятение и изнеможение. Теперь она одинока, ибо

Умер вчера сероглазый король...

Лирика Ахматовой ограничена узким кругом тем об интимных чувствах и переживаниях, но несмотря на это, ее простые, целомудренно-строгие стихи многим становятся близкими и необходимыми. В этом — тайна символического творчества поэтессы.

<...>

... Вот эти небольшие островки истинной поэзии, вокруг которых бужет грязное, серое море безвкусыя и пошлого оригинальничанья. Я не исследовал подробно ни строения поверхности, ни флоры этих островков, я только намерил их общие очертания. Может быть, внутри, в глубине островков много есть интересных тайн, неведомых цветов и растений, но пусть их ищут те любители классификаций и номенклатуры, которые чувствуют себя беспокойно, если какое-либо явление в мире не раскрыло им всех своих тайн. Пусть они вскрывают и анализируют тайны, проникают в глубину лесов в своих стремлениях узнать всё и сделать ясным и доступным для всех. У меня этого желанья нет, так как узнавать всё до конца, давать всему наименования часто не имеет смысла, — теряется та прелесть тайны, которая привлекает к вещам и явлениям.

В. Шумский

Лесное Эхо: Ежемесячный научно-популярный и литературный журнал (Екатеринбург). 1918–1919. № 3–4, декабрь — январь. С. 15–16.

9.

Две книги

Клара Арсенева. «Стихи о жизни». Обложка работы Сергея Грузенберга. Петроград 1916. Ц 1 р.

Т. Ефименко. «Жадное сердце». Стихи. Петроград. 1916. Ц. 1 р.

<...>

Античные темы первого цикла книги Т. Ефименко трактованы с ясным пониманием сельского быта античности; любящая душа здесь растворится в предметах и природе, древние боги живы, очаг пылает:

Сени травой ароматной надо посыпать не скупю,
Надо и веток душистых в светлые спальни внести,
Сбегай — ты быстрый, — за садом глянь-ка в долину с уступа,
Слышно ли путников милых, вьется ли пыль по пути?

Второй цикл, уже вне образов античности, изображает «единоборство душ». Но и здесь, в чисто лирической теме, автор остается верным живому миру природы и вещей во всём, в цветах и в плодах, в домашней утвари, в обстановке комнат, находя язык для выражения душевной жизни. Такой метод принят акмеизмом, и Т. Ефименко может быть причислена к этой школе.

В третьем цикле осознанность переживаний достигает такой степени, что лирика приближается к эпосу, и стихотворения становятся маленькими повестями.

При довольно высокой технике стиха, при большом внимании к словарию, при наличии новых рифм, всё же в иных местах, стихи Т. Ефименко производят несколько серое впечатление. Это надо приписать неумению автора быть лаконичным, концентрировать мысли и сжимать образы. Лирика — дневник, который пишется не для себя, и потому пространность обычного дневника в ней недопустима. Это надо принять в<о> внимание автору «Жадного сердца», — книги, в общем, вполне литературной и содержательной.

С. Г<ородецкий>

ARS: Ежемесячник искусства и литературы
(Тифлис). 1919. № 1, январь. С. 85–86.

II. ФОТОГРАФИИ

III. РЕТРОСПЕКЦИИ

1.

<...>¹¹ Горнфельд и Айхенвальд; последний (в «Речи») посвятил Ефименко восторженную статью.

«Жадное Сердце», — действительно, благоуханная книга, лучший венок трагически погибшей поэтессы. С какой солнечностью, с какой строгой простотой, в какой убедительной преображенности даны здесь античные мотивы. «Я хлеб и мед носила Пану в лес», «Веселый фавн, изваянный убого пастушеским ножом», «Дом убрала я, гирлянды привесила к ларам», «Уж ветер осенний трубит» (15) и др. так прозрачно ясны, образны, свежи — впечатление благоуханных полевых ветров, мудрых древних обрядов, серебряных токов источника.

Та же простота истинного искусства в мотивах современности, в стихах «Немилый день», «Любовью и гневом к тебе говорила я раньше» (стр. 26), «Золушка», «Печаль, я не вернусь в твой дом».

Каким печальным лиризмом напоено, например, прекрасное стихотворение «Мы можем быть вдвоем». Но та же чистота серебряных тонов источника:

Я только снов хочу. Любви объятья грубы,
Назойливы слова.
И лишь прощаясь, вас я поцелую в губы,
И то едва-едва.

Словно повторенный мотив «Золушки»:

И за красно-синим кавалером
Стертый замок смотрит, как слепой.
Правда, время, ведь должно быть серым,
А мечта о принце — голубой.

И рядом вдруг снова воскресает пастушка, носившая Пану в лес хлеб и мед, чуткая к зреющему винограду, антично радующаяся молодому вину, бродящему в темных подвалах. И вот, эти прекрасный стихи:

Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Скрипки их гонять стремительным метром —
Кто их догонит?
Пестрые фартуки вскинута ветром,
Щедрая осень в них золотом сыплет,
Новый бочонок несут — старый уж выпит.

И всплеск вакхической радости:

¹¹ Начало статьи отсутствует.

Смотрят мужчины, — от шуток нескромных
 Нету отбоя,
 Смех и желание в лицах их темных,
 Здесь поцелуи, а там перебранка.
 Завтра и пить и плясать вновь спозаранка.

И снова тихая ясность:

Еще в полях не водят нимфы пляски.

Античным духом овеяна и заморожена эта поэзия истории. Он творчески постигнут. И, может быть, поэтому сердце знает жертвенность и жадность к миру:

Отдающее сердце отдает, не считая,
 И себя разоряет.

Татьяна Петровна была именно таким, не считающим, красиво-беспокойным, вечно ищущим, глубоко преданным искусству человеком. Полтора года она провела в Париже, и это было время изучения французских поэтов и поэзии. По жадное сердце не хотело остановиться на какой-либо одной полосе. Она увлекается литературой для детей, психологией маленького чудесного мира, и пишет много рассказов в детских журналах («Маяк» и др.). В последнее время она специально занималась египтологией, слушала лекции по истории Египта <Б. А.> Тураева и др., изучала, читала с обычным ярким увлечением, чтобы уйти в новую желтую древность пирамид и сфинксов. Параллельно с этим ею было задумано много поэтических работ из библейской жизни, — Библию она великолепно знала. И вот искусственный конец этого прекрасного, много обещавшего дарования.

Ал. Станкевич.

Гранки статьи «Жадное Сердце» (декабрь 1918 г.):
 РГАЛИ. Ф. 2259, оп. 1, ед. хр. 10.

2.

Поэзия истинной женственности (Татьяна Ефименко)

В ближайшее время исполняется 5 лет со дня трагической смерти на 22-ом году жизни от руки бандитов на хуторе в окрестностях Харькова поэта Татьяны Ефименко, дочери известной на Украине женщины-историка Александры Ефименко. Единственная книга ее стихов, «Жадное сердце» издана в Петербурге накануне революции и до Украины не дошла. Помимо технических и эмоциональных достоинств этой книги, из-за которых одних о ней следовало бы говорить, интересно отметить совершенно особую, индивидуальную ее ценность, лежащую, собственно, уже в области не художественной, а социальной.

Спокойно и просто, почти не повышая строгого голоса, эта двадцатилетняя девушка начертала перед нами в условной рамке античного греческого дома путь женщины через жизнь, каким он создавался ею единственно необходимым и прекрасным. «Жадное сердце» Т. Е. билось иначе, чем сердца ее подруг. Жадность его не была, ни любопытством, ни лукавством, а каким-то чудесным проникновением в подлинный, затаенный в нашей повседневности мир женщины, в самую глубь ее очарования и правды. В мире этом нет подвигов вне его обыденности, но эта последняя таит в себе самой ежедневные подвиги любви, труда, материнства.

Раз Т. Е. говорит о воображаемом, то почему бы ей не заключить его в такие же воображаемые рамки? Ведь всё то, о чем мечтало ее жадное сердце, этот свободный союз дружбы и любви, этот радостный труд, это осознанное, нужное материнство, — всё это она не успела изведать в своей короткой жизни. Пусть же это необычное счастье не будет в рамках обыденности и повседневности: оно само необыденно и несовременно. Но это та единственная несовременность, о которой мы мечтаем для нашей современности. Назовем ее своим именем: это свободная нравственность женщины, загубленная погибающим буржуазным миром, долженствующая возродиться в новом, грядущем. Именно этим поэзия этой вчерашней девушки внутренне связывается с нашими сегодняшними идеалами, с нашими завтрашними достижениями и именно потому о ней уместно говорить. Это не мещанская мораль — это первое условие существования здорового, сильного, трудящегося общества. Вот почему мечты этой двадцатилетней девушки, ее нравственное *credo* сопутствуют нам, как обещание, как залог в нашем строительстве лучшей жизни.

Не праздником, а долгом открывается перед Т. Е. жизнь:

Я хлеб и мед носила Пану в лес,
Плела венки домашним нашим ларам,
И коз пасла, пока лазурь небес
Не крылась пеплом серым за пожаром.

Но те часы беспечные прошли,
И в круг забот ввела меня Венера:
Я тку холсты и мою на мели,
Знакомы мне в хозяйстве вес и мера.

Зажжен очаг... Мой друг берет свирель...
За трудным днем минуты ласк ленивы,
Но наш союз скрепляет колыбель,
Сплетенная из веток гибкой ивы.

В «круг забот» в «трудные дни» вводится Венера, богиня не веселья, а свободного, осознанного долга. К своему другу, к своему новому дому, в котором отныне будет заключен весь ее мир, обращается ее, взволнованный счастьем и ответственностью, голос. О них ее первая забота:

Веселый фавн, изваянный убого
 Пастушеским ножом,
 Меж двух олив у моего порога
 Ты охраняешь дом.

Когда заря потонет в синем мраке
 Гирляндой желтых роз, —
 Несу тебе я хлеб, вино и маки,
 И сыр домашних коз.

Храни мой дом, храни меня и друга:
 Жилище от огня,
 Его — от ран, страданий и недуга,
 От ревности — меня.

В ребенке, в этой «жизни зажженной мною» ее первая радость:

Радостным взглядом на мужа смотрю я с порога:
 Ветки срезая, он прячет улыбку порою.
 Только лишь осень подует из гулкового рога,
 В домике нашем нас будет не двое, а трое.

В смерти его — ее первое горе:

Как мне кажется пусто в доме, полном людьми,
 Как зловеще и тихо без детского плача.
 Колыбельку немую поскорее возьми:
 Пусть и в доме, как в сердце, всё станет иначе.

Это всё, что осталось от веселья и мук:
 Черный холмик, где куклы лежат, выгорая,
 И для нежных, для жадных, для неверящих рук
 Колыбелька пустая в холодном сарае.

Шаг за шагом, день за днем, проходит перед нами вплоть до «осени мудрой», несущей свои «золотые подарки», жизнь женщины, какой пригрезилась она этой двадцатилетней девушке. Пусть всё это мечты и пусть действительность, в которой виновата не она, — их бы не оправдала. Мы видим даже, что это так и случилось, что не светлым союзом, а «единоборством на веки враждующих душ» пришла к ней любовь, смешавшая «вкус плодов душистых с кровью в любовное питье». Пусть так: эти мечты остаются для нас важнее действительности, потому что ими творится мир.

Я мог бы еще многое сказать о стихах Т. Е., рассмотренных мною с одной, хотя и наиболее важной стороны. Сравнивая Т. Е. с ее современницами я сказал бы, что горькое зернышко Ахматовой острее, терпче, но не так благословенно, как творчество Т. Е., что только на 67<-й> стр<анице> своей третьей книги искушенная женщина вспомнила о ребенке, тогда как словами о нем эта двадцатилетняя девушка открыла первую же свою книгу. Я сказал бы еще, что пережитое материнство в стихах Шкапской полно-

веснее, цельнее, — но ведь это то, к чему приходят на переломе дней: этим не начинают свою жизнь, не исповедуют этого перед всеми, как единственную мечту своего жадного девичьего сердца. Свой мир и свою задачу Т. Е. сознавала малыми, но горящими светом чистейшей, истинной женственности. Мечты ее, строгие и четкие, как та античная рамка, в которую они заключены, являются нам, как глубочайшая, необходимейшая, недостигнутая еще правда. В магическом спокойствии стихов Т. Е. звучит подлинная гордость и вызов утонченной эмоциональной эротике иных своих сестер по перу. Независимо от всего другого мы должны приветствовать этот духовно-здоровый и чистый облик женственности. Жадное до подлинной любви, до мужественного, трудового счастья, до ответственного, нужного материнства.

В этом, помимо всех художественных качеств поэзии Т. Е., — ее ценность, не лежащая в какой-либо отвлеченной плоскости, но строящая вместе с нами реальнейшее наше будущее.

Дм. Крачковский

Художественная жизнь: Еженедельный журнал, посвященный искусству (Харьков). 1923. № 5 (8), 16–23 февраля. С. 13–14.

3.

Татьяна Петровна Ефименко — дочь П. С. Ефименко и А. Я. Ефименко (первой женщины, получившей в России звание почетного профессора — в Харьковском университете), известных фольклористов и этнографов, исследователей русской общины. Образование получила дома, печататься стала в «Вестнике Европы» и «Русском богатстве» в 1910-х годах, к литературным группам не примыкала, хотя потом, уже посмертно, Городецкий причислил ее к акмеистам за любовь к «вещному миру». Она одна из поэтесс, явившихся в литературе под влиянием Ахматовой; если К. Арсенева развертывала чувства, пробужденные Ахматовой, в городских декорациях, то Т. Ефименко — в сельских¹². Из стихов своих, писавшихся как лирический дневник, она сделала для печати строгий отбор наиболее «безличных», чуть архаизированных по стилю, печально-идиллических по тематике; так сложился ее единственный сборник «Жадное сердце» (Пг., 1916). В декабре 1918 г. вместе с матерью была убита бандитами на хуторе в Херсонской

¹² Замечательно, что в своей рецензии в журнале *Ars* рядом с *Жадным сердцем* С. Городецкий пишет о книге К. Арсеновой: «Давая документы психической жизни, Клара Арсенева следует основному руслу современной русской женской поэзии. Мечтательность и меланхолия делают ее лирику симпатичной. Особенно приятны два цикла в ее книге: „Песни о каналах“ и „Север“, хотя на первом чувствуется налет образов Роденбаха. „Тепло сырых камней“, „острое золото дальнего шпица“, купол, опрокинутый в канале, — воздвигают дорогой мираж старого Петербурга, а лирические недомолвки о каком-то несчастливом чувстве, придают этому миражу интимную прелесть — „Разве на юге такие рождаются сны?“» (см. № 9 в разделе «Отзывы»).

губернии¹³, где они жили. Из предлагаемых ее стихотворений последнее печатается впервые (РГАЛИ).

Бесплотного воскресения я не хочу.
 Даже в раю
 Мне бы домик, открывший навстречу лучу
 Дверь свою,
 Мне бы садик маленький для меня одной,
 Малый сад,
 Где, смуглые, осенью над стеной
 Плоды висят.
 Мне бы травы теплые и теплый песок
 Для голых ступней
 И солнце весеннее для рук и ног
 И души моей.
 Не страшно Вечности. Я буду дремать
 Под милый гам,
 Весной и осенью глаза приподымать,
 Смотреть по сторонам
 На шершавую телку у входа в сарай,
 Которой три дня,
 На то, как дымится земля сырая,
 Цвета и звеня,
 На синий луг там вверху Господний,
 На облачные межи,
 На лес, где, шурша листвой прошлогодней,
 Бродят ежи,
 На август, золотой и гулкий от пчелок
 И спелых полей,
 На октябрь, когда вечер уж долог
 И утренники белей.
 И стать всему чужой, стать тенью
 В невидимой стороне.
 Лучше небытие, но бесплотного воскресенья
 Не надо мне.

1917

Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917:
 Антология. М., 1993. С. 752–754.

IV. НЕКРОЛОГИ

1.

† Т. ЕФИМЕНКО

В Тифлисе получено известие о трагической смерти молодой талантливой поэтессы Татьяны Ефименко, вместе с матерью своей, известной

¹³ По другим сведениям — в Харьковской губернии.

писательницей, зарезанной большевиками в имении Колокольцева (Харьковской г<убернии>) в декабре п<рошлого> г<ода>

<Без подписи> Хроника. ARS: Ежемесячник искусства и литературы (Тифлис). 1919. № 1 (январь). С. 89–90.

2.

А. Я. и Т. П. Ефименко

При недостаточно выясненных условиях погибли на юг от руки злодеев две талантливые женщины — исследовательница народной жизни и обычного права Александра Яковлевна Ефименко и ее дочь — Татьяна Петровна, выпустившая два сборника своих стихов, имевших большой успех.

А. Я. была женою автора ряда трудов по этнографии и сама обогатила науку весьма ценными трудами по истории землевладения в северной и южной России, о народном суде в зап<адной> России, об артелях, о женщине в крестьянской семье, о народно-юридических воззрениях на брак, о суб<ективизме в обычном праве, о юридических обычаях у сев<ерных> народов и др. Отличительная особенность произведений Ефименко — идеализация народного быта. Несмотря на свои 70 лет, А. Я. Ефименко до конца дней своих не прекратила своих научных исследований.

Вестник литературы (Пг.). 1919. № 5. С. 13.

3.

Татьяна Петровна Ефименко

По небольшому сборнику стихов «Жадное сердце», изданному в Петрограде в 1916 г. и по немногим доступным нам стихотворениям последних месяцев ее жизни мы можем судить о размерах той утраты, которую мы понесли с трагической смертью молодой поэтессы Т. П. Ефименко.

Не под влиянием мысли об ужасающих обстоятельствах ее смерти или волнения, вызываемого светлым образом покойной, но единственно во имя той вдумчивости и серьезности, которую мы прежде всего обязаны проявить к оставленному ей наследию, мы должны признать: в ее лице мы потеряли крупную поэтическую силу.

Эти молодые стихи, в которых нередко можно встретить мелкие неловкости и технические погрешности, полны той чистой и благородной лирической стихии, которую могут приукрасить, но не могут создать долгие годы обучения мастерству.

Первое, что поражает в них, это — глубокая самобытность. Единственное влияние, которое можно предположить, это — влияние М<и-хаила> Кузмина. Да и оно отражается не на содержании стихов или их внутреннем строе, но лишь на слоге (простота и ясность строения фразы) и, пожалуй, еще на некоторых чисто внешних приемах. Что касается

душевной строгости и сердечной непосредственности, сближающих стихи Ефименко с поэзией Анны Ахматовой, то это — внутреннее родство, а не влияние второй на первую. Бесспорно воздействие некоторых наших старых поэтов, напр. Баратынского и, еще более, Тютчева, сказавшееся в углубленных, обобщенных настроениях и отлитой, значительной краткости выражающих их формул. Но и это — не прямое подражание, а плод поэтического воспитания и, опять, того же внутреннего родства.

Второе, что изумляет в стихах Ефименко, это — поэтическое богатство их. При добровольном, мудром самоограничении в выборе тем, при нередкой повторяемости мотивов и образов, каждое стихотворение несет в себе новую поэтическую мысль, особый оттенок и манеру чувствовать: каждое строго индивидуально, цельно в самом себе, значительно в ряду других.

Поистине, это было «жадное сердце». Но эта жадность — не алчность спешных достижений, а чистая, поэтическая жадность внутреннего усвоения, углубления. Такая жадность — синоним биения живого сердца, насытимой <sic!> жажды творчества, и творчества самобытного.

Сборник распадается естественно на три отдела. Первый — цикл стихотворений, облеченных в рамку сельской жизни и написанных в античных тонах. Быть может, эта рамка подсказана Кузминым, но содержание — вполне свое, поэтически пережитое. Основной тон определяется эпитафией: «Нет ничего сладостнее, как внимать заповедям Господним» (Иис.<уса>, сына Сира<к>хова, 23, 36). Это — тихое раздумье, приемлющее равно и радость и страдание, с оттенком вечной печали и светлого примирения.

Я хлеб и мед носила Пану в лес,
Плела венки домашним нашим ларам,
И коз пасла, пока лазурь небес
Не крылась пеплом серым за пожаром, —

так открывается этот цикл.

Чередуясь, следуют образы ларов, которым возжигается ладан на домашнем очаге, сельских и домашних работ, благостного труда среди природы, сочувственно нежной и печальной. В последнем стихотворении, достойном сравнения с лучшими образцами античности, сосредоточен мудрый итог:

Весны бывали душисты, лета беспокойны и жарки.
Память об этом, как эхо в далеком своем повторенье.
Осени мудрой я вижу везде золотые подарки:
В доме моем изобилье, в сердце моем примиренье.

Старости ласковой голос, ее указанья я слышу.
Меньший ли смысл в моей жизни нынче, чем дальней весною?
Сад полон фруктов, а лозы покрыли и стены и крышу,
Выросли дети и внуки — жизни, зажженные мною.

Ропотом дней не встревожу; пускай появляются разом
 Смерть и зима; разукрасьте кедром костер мой и елкой.
 Если весь круг нашей жизни исполнен по божьим указам,
 Смерть будет тихой и сладкой, память же светлой и долгой.

Но вот в жизнь сердца вторгается великое горе. Личное оборачивается общим, и встает, вновь древняя трагическая проблема. «Единоборство навеки враждующих душ» — таков эпитафия второго отдела. Ни одного судорожного крика, ни одного фальшивого звука не вырывает из груди великое страданье. Оно до конца смягчено, претворено в поэзии. И от этого голос страдания — так глубок и внятен:

Вот мы друзья. Мы любви отдались. Почему ж
 Наши сердца в крови?
 Единоборство навеки враждующих душ
 Сильней и глубже любви.

 Нежностью лжем мы. Желанье одно: побороть,
 Омочить губы в крови.
 Пальцы сжимаются в ласках — и ранена плоть.
 Это сильней любви.

Исход — один: прощающее и примиренное отречение.

Лучше будем врагами, лучше будем скупыми.
 За прикрытою дверью,
 Чтоб, услышав Ваш голос, Ваше милое имя,
 Щит мой был — недоверье.

И еще:

Так свой сама себе я выбрала удел,
 Давно, всегда желанный тайно.
 И если взгляде мой Вась и Ваше проглядел,
 То ведь и это не случайно.

Третий и последний отдел — не вывод из прежнего, не синтез, по углубленный взгляд в прошлое и свободный выход к будущему.

К могилам радостей на остров забвенья
 Ладью свою причаль.
 И слушай голоса и чувствуй откровенья
 Сквозь трепет и печаль.

Из скорби прошлого открывается путь в темное будущее. Но мрак не сломил души, по-прежнему открытой для тихих светлых встреч. Залог их — в возврате к древней мудрости:

Свой дом у черных ив открыл мне старый мельник
 В пути моем ночном.
 На древнем очаге дымился можжевельник,
 Обрызганный вином.

Приветствовав богов чужих и неизвестных,
Я сел к его столу,
И ел соленый сыр с вином из яблок местных
И спал в его углу.

Несенный много дней в суме моей убогой,
Я ладан разожгу
В хвалу чужим богам, мне благостным дорогой,
Огню и очагу.

В этом неожиданном, но глубоко подготовленном, единственном во всем сборнике перевоплощении («сел», «спал») — глубочайшее выражение факта рождения всечеловека из сердца женщины.

В последних стихах, печатаемых нами здесь, внутренняя скорбь сочетается с мукой от внешних ран, наносимых нестерпимой действительностью. Чувствуется душевная растерянность от физической боли, но поэзия вновь овладевает и преодолевает ее.

Какое необыкновенное сочетание силы и нежности в этих стихах! Каждый образ чист и значителен, как бывает, лишь у природных мастеров. Стихи Т. Ефименко напоены тем тонким и благородным лиризмом, который составляет сильнейшую и лучшую традицию нашей поэзии. Бесполезно размышлять о том, что могла бы нам даровать еще в будущем эта глубокая душа, рожденная с даром песни. Все, что мы можем и должны сделать — любовно собрать и сберечь наследие той, которая и творчеством, и смертью своей так тесно, так глубоко — с нами в нашей «общей круговой духовной поручке».

А. А. Смирнов.

Новая Россия (Харьков). 1919. № 13, 25 декабря. С. 2.

4.

Татьяна Петровна Ефименко родилась в 1890 году. Будучи с самого раннего детства нервным и хрупким ребенком, она была отдана в школу, но получила домашнее образование под руководством своей матери. И естественно, Александра Яковлевна оказалась идеальной воспитательницей, сумевшей дать дочери больше, чем любая школа. Это обстоятельство содействовало возникновению того взаимного душевного понимания и необыкновенной сердечной привязанности, в атмосфере которой мать и дочь находилась до последних дней своей жизни. Редкими перерывами были отлучки дочери, из которых самой продолжительной была ее поездка в Париж, где она провела почти полтора года.

Т. Ефименко с детства писала стихи, но до самого конца, живя довольно уединенно, не была вхожа ни в какие литературные кружки. За последние 6–7 лет она усиленно занималась египтологией, при чем, между прочим, слушала лекции проф. Тураева. В связи с этим, она стала писать

рассказы из египетской жизни для «Маяка» и других детских журналов. В 1916 г. был издан в Петербурге сборник ее стихов «Жадное сердце».

Всю сознательную часть своей жизни покойная провела в Петербурге, и лишь с год тому назад переселилась с матерью на хутор «Любочка» в Волчанском уезде, где обе были убиты в ночь на 18-е декабря, неразлучные в жизни и в смерти.

Новая Россия (Харьков). 1919. № 13, 25 декабря. С. 2.

V. ПРИЛОЖЕНИЕ

i.

† О. Я. Єфименкова

Але найбільше цей вплив П. С. Єфименка на жінку відбився в її зацікавленні Україною, українським народом, українським питанням. Це захоплення Україною й українською справою вона заховала на все життя й за нього її було замордовано пивничними канібалами. Не можу не погодитися з гадкою д. С. Єфремова, що злочинці «вбивали не просто якусь пані “буржуйку”, не просто Єфименкову, а українського історика Єфименкову. Безглуздий ніж направляла в живе тіло рука, свідомо того, що робить».

Проф. В. Данилевич.

Фрагмент некролога В.С. Данилевича с датой: «Київ. Грудень 1918 р<оку>», напечатанного: Наше минуле: Журнал історії, літератури і культури (Київ). 1918. Ч. 3. С. 108 [105–110].

ii.

Люди Русского Севера

ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

А. Я. Ефименко

Среди русских женщин, заявивших себя деятельностью на поприще науки и литературы, одно из первых мест занимает наша землячка А. Я. Ефименко.

Александра Яковлевна Ефименко (урожд. Ставровская) родилась 31 мая 1848 г. в с. Кузомени Алекс<андровского> у<езда>, где и протекли ее первые детские годы. Позже отец ее, бывший здесь становым приставом и оставивший по себе добрую память бессребреника и честного человека (что в ту отдаленную пору среди архангельских чиновников глухих уездов представляло, можно сказать, необычное явление) был переведен в Архангельск, на должность чиновника особых поручений при казенной палате, и Александра Яковлевна получила возможность учиться в гимназии, незадолго перед тем открытой. Только что налаживавшаяся гимназия, в кото-

рой не было ни учителей, ни учебников, немного дала будущему доктору русской истории «Honoris causa». Пробелы своего школьного образования А. Я. дополняла усиленным чтением: «я читала, — пишет она в своей автобиографии, — читала, читала, забывая об отце, умиравшем где-то далеко, о крайней домашней нужде, заставлявшей меня нести в заклад необходимые вещи, читала при свете сального огарка, чуть-чуть мерцающего ночника, наконец, просто лучины, притаившись где-нибудь в углу, на кухонной печи, читала днем, читала ночью, ежась и дрожа от холода и страха»

По окончании гимназии шестнадцатилетней А. Я. пришлось взвалить на свои неокрепшие плечи содержание всей семьи. Она поступила учительницей в г. Холмогоры и провела здесь, продолжая заниматься самообразованием, около пяти лет, до выхода замуж за П. С. Ефименко, известного исследователя народной жизни — этнографа, бывшего в то время в Холмогорах, в ссылке.

Под руководством и влиянием мужа, А. Я. вступила на приведший ее к всероссийской известности путь литературно-научной деятельности.

Наша архангельская литература обязана А. Я. Ефименко целым рядом научных работ по обычному праву, этнографии и истории Севера, как то: «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» (в сборнике ее статей под заглавием: «Исследования народной жизни» — изд. Литературного Фонда, М. 1884 г.), «Артели в Архангельской губернии (в «сборнике» материалов об артелях)», «Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии» (Записки Георгиевского Общества), «Крестьянская женщина, этнографический этюд» («Дело», 1873 г.) и др. Кроме этих чисто-научных работ, А. Я. опубликовала целый ряд очерков в детских журналах, преимущественно в «Детском чтении» («Мурманские промыслы», «День крестьянской семьи», «Тюлений промышленник», «На Югорском шаре», «Пустозерск», «Зыряне-ижемцы», «Год лопаря», т. д.), дав своим юным читателям живые наглядные картины из природы и быта родного ей Севера.

Перебравшись вместе с мужем на юг России, А. Я. отдалась изучению западно-русской и южно-русской истории и отчасти этнографии. «История Украины и ее народа» (1907 г.), «Дворянское землевладение в южной России», «Народный суд в западной России», «Малорусское дворянство», «Очерки истории правобережной Украины» — все эти работы еще более укрепили репутацию А. Я., как серьезной исследовательницы народной жизни.

Для детей А. Я. дала из южно-русской жизни — «На Украине» — четыре сборника рассказов, и др.

Литературно-научная деятельность А. Я. Ефименко — бывшей архангельской гимназистки — открыла ей двери к кафедре южно-русской истории на высших женских курсах (Бестужевских) в Петрограде и доставила в 1910 г. почетное звание доктора русской истории «Honoris causa».

В будущем году исполняется 50-летие литературно-научной деятельности А. Я. и будем думать, что наше архангельское общество, вообще равнодушное к своим землякам, примет живое участие в этом празднике, в общем хоре приветствий прозвучат и голоса из родного для А. Я. Ефименко Архангельска.

Ан. Попов.

Возрождение Севера. 1919. №94, 4 мая. С. 4.

ЛИТЕРАТУРА

- Гельперин Юрий. «Ефименко Татьяна Петровна». *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 2: Г–К. Москва: Большая Российская энциклопедия — Фианит, 1992: 247–248.
- Пяст Владимир. *Встречи*. Под ред. Р. Тименчика. Москва: Новое литературное обозрение, 1997.
- Сто одна поэтесса Серебряного века*. Антология. Сост. и биогр. статьи М. Л. Гаспарова, О. Б. Кушлиной, Т. Л. Никольской. Санкт-Петербург: ДЕАН, 2000.
- Тименчик Роман. «Из „Именного указателя“ к „Записным книжкам“: „Завистницы, соперницы, враги“». «Я всем прощение дарю...». *Ахматовский сборник*. Под общ. ред. Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой. Москва — Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006: 492–517.

REFERENCES

- Gel'perin Iurii. «Efimenko Tat'iana Petrovna». *Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Tom 2: G–K. M.: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia — Fianit, 1992: 247–248.
- Piast Vladimir. *Vstrechi*. Pod red. R. Timenchika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Sto odna poetessa Serebriianogo veka*. Antologiia. Sost. i biogr. stat'i M. L. Gasparova, O. B. Kushlinoi, T. L. Nikol'skoi. SPb.: DEAN, 2000.
- Timenchik Roman. «Iz „Imennogo ukazatelia“ k „Zapisnym knizhkam“: „Zavistnicy, sopernitsy, vragi“». «Ja vsem proshchenie daruii...». *Akhmatovskii sbornik*. Pod red. D. Makfad'ena i N. I. Krainevoi. Moskva — Sankt-Peterburg: Al'ians-Arheo, 2006: 492–517.

Андреј Устинов, Игор Лошчилов

УСУД И ПОГИБИЈА ЖЕНЕ-ПЕСНИКА:

МАТЕРИЈАЛ ЗА БИОГРАФИЈУ ПЕСНИКИЊЕ ТАТЈАНЕ ЈЕФИМЕНКО

Резиме

Рад је посвећен стваралаштву и драматичној судбини Татјане Јефименко, аутора песничке збирке *Похлепно срце* (Петроград, 1916). По први пут су обједињене рецензије и реакције на поменути збирку, публиковане за живота песникиње; васпоставља се иконографски материјал (фотографије Јефименкове из њеног архива), дају се ретроспекције и некролози на основу којих се реконструише трагична погибија јунакиње нашег рада, коју су заједно са мајком Александром Јефименко — етнологом и историчарем — убили сељаци 18. децембра 1918. године под неразјашњеним околностима.

Кључне речи: Татјана Јефименко, руска поезија XX века, женска поезија, акмеизам, књижевне школе и утицаји.